

Возвращать долги — святая обязанность каждого, продиктованная волей Неба и Земли.

Получив серебро, Су Ваньжун изящно и благородно упрятала два серебряных слитка, а затем заставила Юньци потратить еще два ляна на покупку нефритового кольца. Таким образом, долг Тоба Фэна был погашен, Чжу Ди сбежал, а Юньци мог катиться обратно во дворец.

Но едва вернувшись, он тут же напоролся на Хуан Цзычэна. Его шкала гнева была заполнена до предела, и он уже был готов нанести свой смертельный удар.

С выступившими на лбу венами Хуан Цзычэн проревел:

— Даже не смог схватить одного убийцу?! И еще позволил Янь-вану сбежать?! Ты наверняка знаешь, кто этот убийца! Хочешь, чтобы я назвал его имя?!

Юньци задал встречный вопрос:

— Кто приказал страже Полуденных ворот арестовать кого-то в резиденции шифу Цзяна?

Чжу Юньвэнь недовольно переспросил:

— Стража Полуденных ворот?

Хуан Цзычэн внезапно смолк, но через мгновение произнёс:

— Янь-ван подделал императорский указ...

Чжу Юньвэнь перебил его:

— Великий воспитатель, сначала объясните предыдущее дело. Кто приказал страже Полуденных ворот ловить убийцу?

Хуан Цзычэн, сдерживая гнев, ответил:

— Это был приказ вашего слуги. Цзиньивэй всегда смотрели на всех свысока и подчинялась только императору. Ваш слуга на мгновение запаниковал...

Юньци холодно усмехнулся:

— Правило о том, что Цзиньивэй всегда подчиняются только приказам государя, было установлено покойным императором. Вы не можете ими командовать, поэтому хотите завести

собственную гвардию? Зачем привлекать стражу Полуденных ворот к поимке убийцы?

— Если бы стража Полуденных ворот не вмешалась, ваш слуга на девять десятых уверен, что убийца был бы пойман. Великий воспитатель собрал более сотни людей под предлогом поимки убийцы, дошёл до резиденции шифу Цзяна, а затем все непостижимым образом разошлись. Совесть заговорила? Кто дал вам эти указания?! Хотели подставить Цзян-лао?!

Хуан Цзычэн яростно воскликнул:

— Охотничьи собаки учуяли запах и по следу дошли до резиденции семьи Цзян, при чём здесь я?

Юньци спокойно ответил:

— Если следовать вашим словам, Великий воспитатель, значит, это собаки стражи Полуденных ворот хотели его подставить? Тогда позовите собак на очную ставку.

«...»

Несколько лёгких фраз Юньци переложили всю вину на голову Хуан Цзычэна, и все присутствующие в зале замолчали.

Юньци отчётливо произнёс:

— Император отправил Сун Чжуна передать указ, так почему же он не предъявил его, а специально взял с собой поддельный Императорский меч?!

— Это не я, — недовольно ответил Чжу Юньвэнь. Подумав, он добавил: — Чжэнь не посылал Сун Чжуна.

Хуан Цзычэн, загнанный в угол, не мог вымолвить ни слова и снова спросил:

— Откуда ты знаешь, что Сун Чжун отправлялся передавать высочайший указ?

Юньци ответил:

— Великий воспитатель, у меня не было с собой императорского указа, но я знал о воле императора. Все они члены одной семьи, разве Его Величество в тот момент не хотел вызвать Янь-вана в город?

Чжу Юньвэнь долго молчал, затем кивнул, молчаливо одоблив самовольные действия Юньци.

Жун Цин вышел на шаг вперёд, опустился на одно колено и ответил:

— Сун Чжун держал в руках поддельный Императорский меч и утверждал, что у него есть высочайший указ, приказывающий Янь-вану вернуть войска в Пекин, ждать на коленях за городом девятнадцать дней в знак покаяния, а в день похорон следовать в конце процессии...

Чжу Юньвэнь в гневе воскликнул:

— Что это значит?! Великий воспитатель!

Свирепый окрик Чжу Юньвэня заставил Хуан Цзычэна отшатнуться на полшага, глаза его расширились от изумления. Видимо, он впервые видел Чжу Юньвэня в такой ярости.

Юньци спрятал руки в рукава и левой перебирал нефритовое кольцо на правой ладони, с вызовом глядя на Хуан Цзычэна.

В зале воцарилась тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием разгневанного Чжу Юньвэня. Коварный план Юньци удался. Во всем огромном императорском дворе лишь Сюй Юньци знал, что Чжу Юньвэнь может выйти из себя, когда чувствует, что его обманули.

Чжу Юньвэнь сказал:

— Позвать сюда Сун Чжуна.

Лицо Чжу Юньвэня было холодным, как лёд, и таким его Хуан Цзычэн видел впервые.

Всё тело Хуан Цзычэна дрожало, его напряжённые нервы наконец сдали, он бросился на землю и, разрыдавшись, воскликнул:

— Ваш слуга заслуживает десяти тысяч смертей! Умоляю Ваше Величество наказать меня!

Хуан Цзычэн со слезами на глазах поднял голову и произнёс:

— Однако указ о выезде Янь-вана из столицы не имеет к вашему слуге никакого отношения! Прошу Ваше Величество разобраться! Ваш слуга никоим образом не мог самовольно отпустить удельного князя из столицы! Указ принял заместитель командира стражи столичных ворот. В императорском указе предписывалось сопроводить Янь-вана за пределы города...

Юньци сказал:

— Не стоит его ждать. Восемь шансов из десяти, что его уже убили.

Чжу Юньвэнь вдруг фыркнул от смеха и спросил:

— Что ты делаешь?

Юньци, неизвестно когда уже принесший батоги для наказаний и взвешивавший его в руке, бросил взгляд на Чжу Юньвэня и сказал:

— Не прикажете наказать его?

Чжу Юньвэнь, с трудом сдерживая улыбку, ответил:

— Ладно, пусть Великий воспитатель поднимется.

Хуан Цзычэн по-прежнему лежал ниц, когда Жун Цин привёл Сун Чжуна.

Чжу Юньвэнь, приняв торжественный вид, холодно произнёс:

— А Сун Чжун не в счёт. Сорок ударов батогами! Бейте!

Юньци и Жун Цин встали по обе стороны, занеся батоги для наказаний. Сун Чжун, сознавая тяжесть своей вины, не смел больше оправдываться. Под ударами палок раздались болезненные крики, и в этот момент с императорского трона донесся тихий вздох Чжу Юньвэня:

— Позвать учёного канцлера Фана. Боюсь, пришло время действительно конфисковывать земли удельных князей.

Юньци слегка поднял голову и взглянул на Чжу Юньвэня.

— Говорю тебе, дружище, — сонно пробурчал Чжу Ди в карете, — можешь убрать свою флейту?

Тоба Фэн холодно взглянул на Чжу Ди, но не ответил, продолжая играть на своей пастушьей флейте.

Чжу Ди, стелая от боли, промолвил:

— Фэн-эр, ты мог бы хотя бы сменить мелодию, а лучше вообще перестать играть. Уже три дня в пути играешь без конца.

Форма телохранителя Тоба Фэна наполовину была покрыта лёгким слоем крови, которую,

очевидно, не удалось отмыть. Его глубокие глаза задумчиво смотрели на синее небо за окном повозки. Мелодия «Осень у границы» выпорхнула из кареты и разнеслась по осенним полям.

Когда мелодия закончилась, Тоба Фэн равнодушно произнёс:

— Кстати, твои владения будут урезаны. Я слышал, как Хуан Цзычэн говорил об этом.

«...»

Чжу Ди ответил:

— Лучше продолжай играть на флейте.

Проехав через ворота Сичжимэнь, они вошли в Пекин. В городе царил необычная тишина. Войска направились в городские казармы, а карета Чжу Ди помчалась к княжеской резиденции.

— Что сегодня происходит? — нахмурившись, спросил Чжу Ди, оглядывая пейзаж вдоль дороги.

Торговцы уже давно закрыли свои лавки. У входа в резиденцию Янь-вана Сюй Вэнь, поджав губы, с серьёзным выражением лица ждала уже долгое время.

Она недовольно произнесла:

— Почему вы так поздно вернулись?

Чжу Ди улыбнулся и ответил:

— Сколько же ты ждала, супруга? Я прикупил тебе кое-каких вещиц. — С этими словами он повернулся, чтобы разобрать подарки, привезённые из Нанкина.

Сюй Вэнь взглянула на Тоба Фэна и протянула Чжу Ди письмо.

Чжу Ди, понимая, что дело серьёзное, поспешно вскрыл конверт и спросил:

— Это написал Юньци?

Сюй Вэнь ответила:

— Письмо пришло сразу после твоего отъезда из Пекина. Неизвестно, сколько загнали насмерть лошадей по пути, но оно прибыло на целый день раньше вас.

Чжу Ди глубоко вздохнул, оттолкнул в сторону голову Тоба Фэна, который с любопытством потянулся подсмотреть, и мрачно произнёс:

— Сначала вернёмся в резиденцию и всё обстоятельно обсудим.

Сюй Вэнь тоже не стала разглядывать безделушки, привезённые Чжу Ди, и последовала за ним в усадьбу, чтобы приступить к обсуждению.

Спустя полшичэня из княжеской резиденции поступили новости: Янь-ван Чжу Ди сошёл с ума.

Чжу Юньвэнь с головой зарылся в книгу. Увидев Юньци, он закрыл её и сказал:

— Садись, здесь только мы вдвоем.

Юньци улыбнулся, прошёл мимо пустого стула и присел на низкую скамеечку перед императорским столом. Он снял сапоги, отряхнув песок, и спросил:

— Что читаешь? Доклады?

Чжу Юньвэнь поднял книгу и показал Юньци обложку. Юньци рассмеялся:

— Став императором, наконец-то можешь почитать разную литературу.

В глазах Чжу Юньвэня заблестела улыбка, и он шутливо сказал:

— Наконец-то могу её почитать. С тех пор как ты дал мне эту книгу, удалось пролистать всего несколько страниц.

Они с улыбкой посмотрели друг на друга, и вдруг Чжу Юньвэнь произнёс:

— Юнь-гэ-эр, в тот день я выжил только благодаря тебе. Не страшно, что убийцу не поймали.

Юньци молча кивнул, а Чжу Юньвэнь продолжил:

— Ты много раз спасал меня. И тогда, когда стражники загнали меня в угол, тоже всё благодаря тебе...

Юньци прыснул со смеху:

— Разве можно это считать?

Чжу Юньвэнь с лёгкой улыбкой ответил:

— Если чжэнь сказал, что считается, значит, считается.

От внезапного изменения обращения Юньци немного смутился, но это чувство быстро прошло. Следующая фраза Чжу Юньвэня заставила его невольно подняться.

— Указ, разрешающий моему четвёртому дяде покинуть город, написал ты, верно?

Юньци встал, на мгновение задумался, затем ответил:

— Да, ваш слуга заслуживает десяти тысяч смертей.

Чжу Юньвэнь рассмеялся и сказал:

— Ладно, прощаю тебя.

Юньци вздохнул, и Чжу Юньвэнь продолжил:

— Ты понимаешь мои мысли и не хотел, чтобы я и четвёртый дядя стали врагами, верно?

Юньци кивнул.

Чжу Юньвэнь снова поманил Юньци, тот подошёл ближе и позволил ему взять свою руку.

Пальцы Чжу Юньвэня были холодными, а кожа нежной. «Пальцы учёного человека», — подумал Юньци.

Чжу Юньвэнь некоторое время смотрел на Юньци, затем сказал:

— Юнь-гэ-эр, когда ты рядом, мне так спокойно на душе...

Юньци мягко ответил:

— Долг Цзиньивэй — защищать вас и даровать вам душевный покой, Ваше Величество.

Чжу Юньвэнь улыбнулся:

— Ты особенный. Завтра тебе нужно будет отправиться ради меня в поездку, чтобы помочь комиссару по гражданским и финансовым делам Пекина вступить в должность.

Ещё до того, как прийти, Юньци уже догадывался, в чём дело. Сокращение княжеских владений Чжу Юньвэнем и безумие Чжу Ди требовали того, чтобы кто-то увидел всё собственными глазами и доложил об этом, прежде чем двор мог принять какое-то решение. Но если его пошлют его в качестве императорского посла, сумеют ли советники это пресечь?

Сердце Юньци дрогнуло, и он спросил:

— А кто ещё поедет?

Чжу Юньвэнь ответил:

— Чжан Бин, знаешь его?

Юньци кивнул:

— Это отец Чжан Циня.

Чжу Юньвэнь всё ещё держал руку Юньци. Подумав, он открыл ящик, достал что-то и с улыбкой положил в руку Юньци:

— Это тебе.

Это было кольцо из панциря черепахи. Тёмно-коричневый панцирь переливался древнейшим блеском. Юньци в шутку спросил:

— Откуда оно у тебя?

Он взял кольцо, попытался надеть на безымянный палец, но оно не подошло. Было слишком тесно.

Он попробовал надеть его на мизинец. Кольцо наконец с трудом на него налезло, но неприятно давило. Чжу Юньвэнь покраснел и сказал:

— А мне как раз впору... Юнь-гэ-эр, ступай, отдохни пораньше.

Юньци не стал опускаться на колени. Он лишь с улыбкой поклонился и ушёл.

Выйдя из императорского кабинета, Юньци помрачнел. Он снял кольцо из черепашьего панциря и, непрерывно перебирая его кончиками пальцев, задумчиво в темноте вернулся во двор.

Не было сомнений в том, что Чжу Ди лишь притворяется сумасшедшим. Любой проницательный человек может это счесть.

Также он лично удостоверился в том, что Чжу Ди намеревался поднять мятеж. Однако он замыслил расправу над внуком императора несколько лет назад, что не означает, что сейчас он тоже хочет узурпировать трон... Зачем он привёл войска в Нанкин? Хотел проверить? Или намеревался что-то подтвердить?

Пятнадцать тысяч солдат, собранные за столицей, ещё могут представлять силу, но у Чжу Юньвэня в руках пятьсот тысяч войск. Личной охраны Чжу Ди, оставшейся в Пекине, будет недостаточно даже чтобы заткнуть щель между зубами императорского двора... Вот оно что, Юньци всё понял.

Чжу Ди хотел сказать Юньвэню, что, хотя войска Пекина слабы, если императорский двор будет давить слишком сильно, эти пятнадцать тысяч солдат готовы сражаться насмерть.

Юньци остановился, раздумывая, не стоит ли вернуться в императорский кабинет, и кончиками пальцев нащупал внутренний край кольца из панциря черепахи, на котором были выгравированы символы.

Юньци поднял перстень и при свете, исходящем из комнаты дежурных слуг, внимательно рассмотрел его. На нём было вырезано четыре слова:

Клан Ма из Хуайси*.

* Хуайси — регион, включающий современную провинцию Аньхой, район гор Дабешань, провинцию Хубэй и территорию к югу от реки Хуайхэ в провинции Хэнань. Известно, что Чжу Юаньчжан был уроженцем Хуайси.

Юньци вздохнул, не веря своим глазам. Неужели это вещь, которую подарила своему внуку императрица Ма*?

* Императрица Ма (馬皇后), или Императрица Сяоцзыгао (孝昭皇后), была супругой императора Чжу Юаньчжана. Она выступала в роли политического советника и оказывала значительное влияние в период его правления. Происходила из бедной семьи, родилась в Сучжоу, и у неё не были перебинтованы ноги, что было характерно для большинства женщин высших сословий. Скончалась в 1382 году.

— Императрица Ма... — Цзян Хуан прищурился и глухим голосом произнёс: — Государыня-императрица была хорошим человеком.

Цзян Хуан бросил кольцо из черепашьего панциря Юньци, и тот поймал его, хлопнув в ладоши. Цзян Хуан продолжил:

— Двенадцать лет назад, в Праздник середины осени, государыня-императрица сама сняла его и протянула внуку императора...

— Теперь он император, — с долей укоризны сказала Су Ваньжун. Затем она накрыла крышку жаровни для курений и взмахнула рукавами, рассеивая благоухание.

Цзян Хуан кивнул, поглаживая бороду, и сказал:

— В тот год, когда императрица Ма говорила эти слова, твой шифу стоял рядом. Она сказала: «Юньвэнь, бабушка дарит тебе это кольцо. Когда в будущем встретишь девушку, которая придёт к тебе по душе, отдай ей его. Если к тому времени бабушка ещё будет жива, она увидит, на какой девушке оно надето, и лично устроит для тебя свадьбу...»

Юньци внимательно слушал, и на уголках его губ играла улыбка.

Цзян Хуань изменился в лице и несколько раз холодно усмехнулся. Юньци смущённо промолчал и надел кольцо.

Цзян Хуан мрачным тоном спросил:

— Императорский посол, завтра отправляешься с миссией в Пекин?

Юньци почтительно ответил:

— Да, шифу.

Именно это и было целью его ночного визита в резиденцию семьи Цзян.

Юньци сказал:

— Зять... то есть, шифу, вы тоже уже знаете. Есть ли какие-то наставления для этого ученика?

Цзян Хуан невозмутимо произнёс:

— Дело о сокращении княжеских владений может оказаться и серьёзным, и незначительным...

Су Ваньжун внезапно прервала его:

— Ты тридцать лет управлял делами императорской семьи, и теперь ещё хочешь вмешиваться?

Цзян Хуан немного помолчал и ответил:

— Император лично поручил нам, старикам, заботиться о внуке императора и князьях.

Су Ваньжун сказала:

— Но покойный император не давал никаких указаний Юнь-эру.

Цзян Хуан замолчал и спустя долгое время лишь произнёс:

— Решай сам, как поступить.

Юньци вдруг сказал:

— Янь-ван — муж моей сестры. Даже если шифу ничего не скажет, я всё равно должен попытаться уладить это дело.

Цзян Хуан вздохнул и произнёс:

— Этот внук императора...

Су Ваньжун недовольно поправила его:

— Он император!

Цзян Хуан кивнул и сказал:

— Служить государю — что тигру. Даже если он ещё детёныш тигра, тебе следует помнить, что нельзя полагаться на благосклонность и зазнаваться, Юньци.

Юньци встал на колени, глубоко поклонился и только тогда покинул резиденцию семьи Цзян.

Той ночью Юньци лежал в постели, ворочаясь с боку на бок. Затем он резко сел и взял в одну

руку нефритовую подвеску-Цилинь, а в другую — кольцо из черепашьего панциря, словно взвешивая, что важнее.

Лишь когда пропел петух, первые лучи рассвета проникли сквозь оконную решётку и озарили лицо спящего Юньци, отбрасывая слабый белый блеск на его ресницы.

Грудь Юньци вздымалась и опускалась в такт его дыханию. Под тонкой тканью одежд угадывались очертания нефритовой подвески-Цилинь, а на прикроватном столике тихо лежало кольцо из панциря черепахи.

На рассвете следующего дня Нанкин окутал туман начала зимы. Чжан Бин с самого утра ждал у Полуденных ворот, простояв почти полшичэня. Наконец, группа стражников Цзиньвэй, лениво позёывая, подошла, плетясь вокруг сонного Юньци.

— Здравствуйте, дядя Чжан, — стражи Цзиньвэй небрежно поприветствовали Чжан Бина и, хихикая, принялись толкать друг друга.

— Юнь-гэ-эр, не забудь привезти что-нибудь хорошее из командировки.

Юньци улыбнулся:

— Ладно, если будет что-нибудь стоящее, то не забуду о вас.

Из дворца вышел человек, направляясь к ним сквозь влажный туман.

Юньци нахмурился:

— Почему вы здесь?

Хуан Цзычэн недовольно произнёс:

— Император сказал, что раз вчера вечером вы уже попрощались, сегодня он не придёт тебя провожать. Желаю двум господам сановникам счастливого пути.

Чжан Бин поспешно поблагодарил за милость, а Юньци между делом бросил какую-то вещь. Хуан Цзычэн поднял руку, чтобы поймать её, и Юньци сказал:

— Ладно, тогда мы отправляемся. До встречи, братья.

Хуан Цзычэн спросил:

— Что это? Это... это император дал тебе?! Командир Сюй?!

Юньци взгромоздился на лошадь и рассеянно произнёс:

— Великий воспитатель, пожалуйста, потрудитесь вернуть это императору и не присваивать себе.

Хуан Цзычэн, вне себя от тревоги и гнева, покраснел. Юньци и Чжан Бин, пришпорив лошадей, во главе десятков императорских гвардейцев выехали из Нанкина и отправились на север по казённому тракту.

— Юнь-гэ-эр!

Не успели они отъехать от города и на пол-ли, как сзади кто-то торопливо окликнул. Жун Цин, пришпорив лошадь, поскакал во весь опор и догнал Юньци.

Юньци повернулся и спросил:

— Что случилось?

Жун Цин, запыхавшись, слез с лошади, подбежал к нему и, раскрыв ладонь, произнёс:

— Император сказал, что это для тебя, и спросил, почему ты его вернул?

Юньци улыбнулся:

— Драконий лик Сына Неба был исполнен гнева, или с него лились слёзы, словно дождинки с цветка груши*?

* «Дождем осыпаются цветы груши» (○○○○) — обр. красавица льет слезы.

Жун Цин сердито сказал:

— Драконий лик Сына Неба был исполнен гнева... — затем фыркнул от смеха и добавил: — А с лица Великого воспитателя лились слёзы.

Юньци громко рассмеялся, покачал головой и с покорностью принял кольцо. Кое-как надев его на мизинец, он развернулся, подстегнул лошадь и поскакал по казённому тракту на север, в сторону Пекина.

Несколько дней спустя, Пекин.

— Почему нас никто не встречает? — нахмурился Юньци.

Чжан Бин кивнул, всматриваясь в пустынную длинную улицу, и вопросительно посмотрел на Юньци:

— Поедем к улице Чанъань?

Юньци ответил:

— Сначала заедем в княжескую резиденцию. Жена князя — моя старшая сестра. Дядя Чжан, можете не волноваться.

Поскольку Юньци уже всё устроил, Чжан Бин больше не говорил. К счастью, Чжу Юньвэнь был предусмотрителен и понимал, что один Чжан Бин, вступая в должность, определённо не сможет контролировать всех военных в городе. Чжу Ди управлял этими землями почти десять лет, его влияние глубоко укоренилось и проникло во всю административную систему Пекина. Разве мог он так легко отказаться от этого?

Все гражданские и военные чиновники Пекина неявно разделились на две фракции — императорскую и княжескую. Каждая ожидала окончательного расклада сил.

Пекин первого года правления Цзяньвэнь был похож на пороховую бочку с уже подождённым фитилём. Если бы не защита, предоставленная благодаря особому положению Юньци, Чжан Бин, вероятно, оказался бы в тюрьме сразу по прибытии в город.

Чем ближе они подъезжали к княжеской резиденции, тем сильнее билось сердце Юньци. Возможно, сокращение княжеских владений, заговоры, захват власти — всё это не имело для него особого значения.

Единственным, что волновало его сердце, был человек, живущий в княжеской резиденции — Тоба Фэн.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14987/1326077>